Автор: admin
13.12.2007 10:25 -

Пчелки

Просека петляет через лес. Небо слякотное, тяжелое. Вершины сосен вязнут в липких сгустках тумана. Мы молчим, вглядываясь в запорошенную рыжей хвоей дорогу и думаем — каждый о своем. От железнодорожной станции Ландсвайлер-Реден до поселка Энсдорф двадцать два километра, это еще полчаса езды. И где-то там нам предстоит отыскать экспериментальную школу-интернат для сверходаренных детей, как она раньше официально называлась. Бывшую школу, потому что теперь она пуста. Детишек с IQ настолько высоким, что его невозможно было определить стандартными тестами, больше нет. Все, что осталось от них — покинутые классы, учебники и тетрадки, лохматыми стопками сложенные в шкафу, рисунки. Интересно, что они рисовали, эти малыши? Как обычные восьмилетние дети — домики и солнышки?

Все ученики энсдорфской начальной школы родились в конце 95-го, начале 96-го, примерно через год после того, как в районе Шиффвайлера-Ландсвайлера-Хайлигенвальда произошел выброс подземного радиоактивного газа. Их называли мутантами и рассказывали, что они обладают способностью к телепатии и телекинезу, могут видеть предметы насквозь, предсказывать будущее, лечить руками и много тому подобной ерунды.

Дорога упирается в желто-пегий склон, почти голый, лишь в нескольких местах поросший бархатными щеточками мха. Глубокие дыры в мягком песчанике, натыканные густо, как ласточкины гнезда, придают ему сходство с отломленным куском эмменталера. Или с пчелиными сотами. Мы паркуем машину у низенького заборчика и выходим в зябкую послеполуденную сырость.

«Нет-нет, - говорит директор школы и, пожимая нам руки, пытается каждому заглянуть в глаза. - Нормальные дети. Чуть-чуть более сообразительные, вот и все.»

Она заметно невничает, как будто от того, что мы напишем в своих малотиражках, что-то зависит. А может быть, и зависит — для нее.

Нависающие над головой ветви елей плачут мутными каплями дождя. Наша одежда быстро становится влажной, и мы поеживаемся — не столько от холода, сколько от неприятной, всепроникающей сырости.

Мы идем по хрустящей мокрым гравием тропинке, мимо унылых качелей и мерзнущих на ветру цветочных клумб и слушаем пояснения директора.

Где учителя? - Их здесь нет. Что им тут делать, ведь и детей тоже нет. А еще недавно

был большой коллектив. Каждый предмет вел свой преподаватель, да еще по два воспитателя на класс. Итого, на тридцать два ребенка — десять взрослых!

Мы сочувственно киваем, недоумевая, как могло при такой опеке случиться то, что случилось?

От аккуратного трехэтажного здания с радугой во всю стену веет чем-то болезненным и тревожным. Внутри ощущение отчужденности усиливается. Мы всматриваемся в молочно-белый полумрак холла, словно силясь сквозь матовое стекло разглядеть призраки прошлого.

Поворот выключателя — и вспыхнувший свет окатывает нас водопадом красок. На огромном стенде у входа — десятки фотографий. Расселись по темно-синему полотну стайками тропических бабочек, от заколочек-челочек-хвостиков рябит в глазах. Не по-детски внимательные взгляды скрещиваются в пространстве, подобно тонким лазерным лучам и просвечивают нас, будто рентгеном.

- Ну, и кто тут Петер Грасс? - интересуемся мы.

- Вот, в самом центре, - показывает директор.

Лишенный малейшего намека на харизму, он всегда находился в центре внимания. Остальные дети вращались вокруг него, как шустрые астероиды вокруг большой, медлительной планеты. Задумчивый, неповоротливый мальчик, чересчур крупный для своих восьми лет, он выглядел одновременно вундеркиндом и слабоумным. Петер Грасс. Он декламировал стихи Гете, считывая их с облаков, но мог запросто заблудиться среди жидких елочек, росших на территории интерната. Он жил в реальности странной и хрупкой, изменчивой, как тени деревьев в быстро бегущей воде. Иногда казалось, что мальчик не замечает никого и ничего. Или наоборот, что пространство вокруг него полно ни для кого больше не видимых вещей, и ему никак не удается среди них сориентироваться.

- Петер плохо справлялся с программой, - директор слегка пожимает плечами. - Но все ребята его любили. То есть даже не то, что любили, он был для них почему-то важен.

- Важен — это как? - спрашиваем мы.

- Как главная пчела в улье. Когда его не стало, весь рой разлетелся, - объясняет директор, и мы торопливо записываем загадочную фразу в блокноты. Можно даже будет вынести ее в заголовок. «Рой разлетелся» - неплохо звучит. Интересно, броско.

Мы идем по гулкому коридору, заглядываем в пустой класс. Стулья, которые прежде стояли вдоль длинного цельно-деревянного стола, теперь испуганно жмутся к стенам, на шкафах — коричневые разводы. Окна в тускло-серебряных потеках воды кажутся не окнами, а зеркалами и едва пропускают рассеянный серый свет.

- Его сочинения, - наша спутница роется в растрепанной картонной папке и подает нам несколько исписанных красивыми, плотными буковками листков. Мы пробегаем их глазами, передаем друг другу. Но нет времени читать и вдумываться, да и текст незамысловат. Детские фантазии, ничего особенного.

«... как в калейдоскопе. Кроме нашего мира появились еще два. Во втором жили призраки — красные, синие, зеленые. Они мучались от голода и жажды, но не могли пить нашу воду. А в третьем шла война. Там каждый день взрывались бомбы и умирали люди. Иногда мы возвращались из школы и видели наши дома в огне. Но это были пожары третьего мира.»

Наверное, самое страшное, что может представить себе взрослый человек — это смерть ребенка. Неважно, по какой причине. Дети должны жить, они — наш шанс на будущее, тот свет в конце туннеля, на который мы идем, сталкиваясь в кромешной темноте и оступаясь в чавкающую под ногами грязь. Если он погаснет, путь лишится цели.

А когда ребенок кончает с собой — это страшно вдвойне. Часто из-за совершенного пустяка: из-за плохой отметки, ссоры с другом или подружкой, обиды на родителей, «не того» подарка на день рождения или на Рождество. Дети еще не успели привыкнуть к миру и увязнуть в его проблемах. Они легко расстаются с жизнью, словно птицу, выпуская ее из рук.

Теперь никто не смог бы сказать наверняка, почему погиб Петер Грасс. Перепутал ли он открытое окно с дверью и вышел в него — по ошибке? Хоть и не высоко, третий этаж, но, упал неудачно. А может быть, он просто ушел в один из своих миров. Вряд ли в тот, где шла война. Хотя, кто знает...

Но говорили, что он сам захотел умереть после того, как учительница немецкого отчитала его перед всем классом. За ерунду какую-то, за то, что якобы испачкал стенку цветными мелками. Мальчик покраснел, но не заплакал. Стоял, опустив голову и комкая неловкими пальцами воротничок рубашки. А потом поднял взгляд и вдруг словно впервые увидел других ребят, и учительницу, и маленькую комнату с окнами-зеркалами, в которую проникало так мало света и так много пыли.

Увидел — и испугался.

Конечно, Петера обвинили несправедливо. Аутичный ребенок никогда не рисовал на стенах. Он, вообще, жил так, как будто вокруг не было никаких стен.

Смерть Петера Грасса стала началом конца. Одноклассники погибшего мальчика не горевали о нем, они просто погасли, словно его отражения.

Не прошло и недели с того дня, когда умирающего ребенка увезли на вертолете скорой помощи с территории интерната, как тридцать детишек — оба вторых класса — разбежались во время прогулки и пропали в лесу... их так и не смогли найти. Вроде бы и не дремучий лес в районе Энсдорфа, за последние десять лет ни один человек не

заблудился, а тут — тридцать детей исчезли бесследно. Только одну девочку успели поймать растерявшиеся воспитательницы — Клариссу фон Миллер. Она извивалась и билась в руках двух взрослых женщин, точно дикий зверек, норовя укусить. Потом пришла в себя и успокоилась, притихла.

Но от нее так ничего и не сумели добиться, как ни расспрашивали, ни учителя, ни директор школы, ни полицейские. Что произошло? - Ничего не произошло. Ребята играли в прятки и спрятались, как жучки под кору. Просочились талой водой сквозь рыхлый ковер побуревшей листвы и хвои, чтобы через несколько недель прорасти молодыми сосновыми побегами. А все, кто допрашивал Клариссу, невольно жмурились и отводили глаза. Уж очень ярко блестели у девочки волосы, как будто на солнце приходилось смотреть.

А потом и она пропала, вероятно, уехала с родителями в другой город... и след ее потерялся. Или ушла вслед за остальными, вот только куда? В другое измерение? А что если они до сих пор бродят среди нас, маленькие дети, неуловимые, как пятнышки солнца на бурой листве? Бродят и ждут, когда же, наконец, наш мир изменится настолько, что они смогут в нем жить.

Директор качает головой: вот такая история. Невероятная, да. Сама бы услышала — не поверила. Что вам еще показать, господа? Спортивный зал? Он современный и удобный, но обычный, в общем-то. Компьютерных классов у нас целых три. А вот в мастерской есть на что посмотреть.

Мы поднимаемся на третий этаж и заходим в мастерскую. В отличие от остальных комнат в ней царит хаос, но хаос неживой, пахнущий жженой пластмассой, пылью и запустением. Повсюду валяются транзисторы, батарейки, мелкие дощечки, кусочки проволоки и тюбики с красками. Два робота у стены, один — в человеческий рост, второй сантиметров двадцать высотой. На столе вентилятор в черном кожухе, приемничек и четыре машинки.

- Неужели все это сделали дети? - удивляемся мы. - Под руководством взрослых, конечно?

- Нет, сами.

Директор ищет пульт, чтобы привести в действие большого робота, но пульта нет. Она берет со стола вентилятор, крутит в руках, разглядывает и включает. От легкого движения воздуха на полу шевелятся обрывки проводов. Надо же, эта штука работает.

- Сами, все делали сами, никто не помогал, - директор со вздохом выключает прибор. Но ветер остается и усиливается, становится резким, неприятным, дует уже со всех сторон.

Она в отчаянии несколько раз щелкает тумблером, но поздно: ветер превратился в ураган. Опрокидывает столы и стулья, сбивает с ног, грубо и зло расшвыривает по

мастерской лампочки и машинки. С тонким звоном лопается оконное стекло. Скорее, прочь отсюда!

А внизу, на школьном дворе, гнутся до земли деревья. Рвутся, пытаясь улететь, качели. Метет водяная поземка, закручиваясь в дикий смерч.

Я почти ничего не вижу из-за острых дождинок, летящих в лицо со скоростью пули. Чтобы не ослепнуть, заслоняю ладонью глаза и чуть ли не ползком — потому что устоять на ногах невозможно — добираюсь до желтого склона, похожего на кусок сыра. Забираюсь в одну из пещерок — сухую и глубокую — и облегченно перевожу дух. Пускай остальные выпутываются, как хотят.

Я лежу на животе, прильнув к неожиданно теплому, шероховатому камню, и смотрю, как бьется на страшном ветру, мнется и разрывается на части лубочная картинка реальности. Из-под нее проступает еще одна, и тоже сминается, разлетается в клочья, осыпается мутными осколками. Как в калейдоскопе.

© Copyright: Джон Маверик, 2009